

СУДЬБА БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

◆ социологический анализ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СУДЬБА БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

социологический анализ

Минск
«Беларуская навука»
2015

УДК 316(476)
ББК 60.5(4Бел)
С89

А в т о р ы:

Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко,
В. Э. Смирнов, Т. С. Балакирева

П о д о б щ е й р е д а к ц и е й

Р. А. Смирновой

Р е ц е н з е н т ы:

доктор социологических наук, профессор В. И. Русецкая,
доктор социологических наук Н. Е. Лихачев

Судьба белорусской провинции : социологический анализ / Р. А. Смирнова [и др.] ; под. общ. ред. Р. А. Смирновой. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 435 с.
ISBN 978-985-08-1819-5.

Монография посвящена проблеме развития провинциального сообщества, места провинции в налаживании социальных связей и взаимоотношений в системе «центр – периферия», роли провинциального сообщества в социализации, интеграции и адаптации живущего в селах и малых городах людей. Осуществлена теоретическая экспликация основных понятий, на обширном конкретно-социологическом материале обоснованы основные идеи и положения книги, касающиеся образа жизни провинциального населения, их менталитета, ценностных ориентаций, социального самочувствия и гражданского поведения.

Предназначена для студентов, аспирантов, научных сотрудников и всех тех, кого интересует судьба Отечества.

УДК 316(476)
ББК 60.5(4Бел)

ISBN 978-985-08-1819-5

© Институт социологии
НАН Беларуси, 2015
© Оформление. РУП «Издательский
дом «Беларуская навука», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Одним из малоисследованных аспектов современных представлений о белорусском социуме остаются представления о месте и роли в нем провинции, провинциальной культуры, менталитета и присущих им способах человеческой жизнедеятельности. И хотя региональные исследования все более привлекают внимание общественной науки, история, механизмы развития, потенциал и возможности белорусской провинции для социальной интеграции, самоидентификации и социализации личности и общества еще не получили должного внимания. Место и функция провинции в жизни нации как целого, степень зависимости от Центра и границы интерпретации его влияния – этот круг вопросов становится чрезвычайно актуальным в исследовании региональной культуры и социальных процессов.

Считается, что многообразные представления о провинциальном городе, появившиеся в современной белорусской культуре XX – начала XXI в., являются результатом формирования национального типа идентичности в культуре, трансформации культуры из традиционной в национальную. Суть данной точки зрения в следующем. Нация как форма общности людей, во-первых, возникает в силу установления капиталистической экономики и, во-вторых, имеет тенденцию к нивелированию кровнородственных, этнических, конфессиональных, сословных различий между членами общности, утверждая вместе с тем новое основание идентичности – служение государству. Распространение грамотности, письменность, нормированный литературный язык согласно этому пониманию обусловлены потребностью государства в куль-

турно и социально унифицированном, многочисленном, легко мобилизуемом человеческом ресурсе, способном как к массовому производству и потреблению товаров и услуг, так и к эффективным действиям в условиях социальных преобразований или катастроф, приобретших периодический характер. Национальный тип идентичности предполагает деактуализацию предшествующих оснований идентичности, в частности местнического, связывающего личность с определенной областью внутри государства, что обусловлено императивом подчинения мобилизационным требованиям государства. Вследствие этого возникает специфическое отношение к провинциальным регионам страны со стороны власти и изменение самосознания жителей столицы и регионов. С одной стороны, утверждают представители данного понимания, центральный государственный аппарат нуждается в ресурсах провинции (материальных, человеческих, концептуальных и т. п.), т. е. находится в зависимом, подчиненном отношении. Но, с другой стороны, одновременно стихийно и целенаправленно формируется такой комплекс представлений о провинции, который лишает ее права на суверенность и подчиняет Центру. Иными словами, национальная культура создает образ копирующей провинции, более или менее утрируя черты подражательности и следующие за ним несамостоятельности, выводя из них характеристики отсталости и невежественности. Именно этот образ согласно данной точке зрения удерживает провинцию в подчинении и вместе с тем стимулирует миграцию слоя наиболее одаренных и амбициозных жителей провинции в центр.

Обострение дискуссий на тему провинциальности и провинции в культуре и социуме обуславливается ценностной асимметрией в отношении «центр – провинция», в соответствии с которой культура «центра» (например, столицы) признается в качестве непрекаемого образца для подражания провинциальными культурами, в данном контексте «недостаточно развитыми и отсталыми». Это усугубляется тем, что в условиях глобализации считается нормой единообразие образа жизни, менталитета, ценностно-нормативной системы, культуры «центра» и «провинции». Более того, провинциальная культура признается «устаревшей», менее зна-

чимой для современности, чем культура глобальная и общедоступная для всех. Однако, как отмечают некоторые ученые: «Технологизация общения и физическое перемешивание культур, если говорить о наиболее радикальных императивах глобализации, угрожает существующему этнокультурному разнообразию на планете, угрожает разнообразию внутренних социальных пространств. Глобализация, если эта концепция принимается без необходимых ограничений, прорывает внутренние социальные пространства «снаружи», вваливается в них своими несоразмерными массами (информации, техники, развлечений и пр.) и приводит их к такой же гибели, какой гибнет живой организм, проткнутый и вспоротый копьём охотника»¹. В этом смысле изучение взаимоотношения «центра и провинции», возможностей и перспектив провинции в социуме требует научного (не только теоретического, но и эмпирического в данном случае, конкретно-социологического) анализа, так как не имеют пока однозначных и простых решений.

Авторский коллектив подходит к данной проблеме, пытаясь уйти от упрощенных ответов и простого копирования интерпретаций историко-культурного опыта других стран и народов. В частности, чрезвычайно богатый опыт научно-теоретического и искусствоведческого (литературного) обобщения данных о провинциальном социуме и культуре наработан в российской гуманитаристике. Однако простым наложением образа российской провинции на белорусскую действительность трудно обойтись. Дело в том, что в Беларуси исторически сложились специфические взаимоотношения центра (столицы) и периферии (провинции), отличные от российских, связанных с местом страны в геополитическом пространстве. В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, которые были (хотя и в разное время) единственными и непререкаемыми образцами не только для мелких провинциальных городов, но и для крупных городов Российской империи,

¹ Дахин, А. В. Российская провинциальная культура в глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» / А. В. Дахин // Международные отношения в 21 веке: региональное в глобальном и глобальное в региональном. – Н. Новгород, 2000. – С. 224.

включая Минск, последний не играл такой довлеющей роли на белорусские города. В этом отношении даже трудно было называть такие города, как Могилев, Витебск, Гродно и Брест более провинциальными, нежели Минск. Но и города меньшего масштаба не ощущали себя провинциальными. И не только, например, Борисов или Мозырь, но и Несвиж, Волковыск, Лида и другие, в силу богатого исторического прошлого и довольно активным социально-экономическим и политическим отношениям.

Тем не менее, начиная с середины XX в., озаменованного развитием индустриальной эпохи, новых форм политической регуляции территориально-поселенческого устройства в стране и введением унифицированных норм и правил архитектурно-градостроительной застройки на территории Советского Союза, роль и значимость небольших городов Беларуси радикально изменилась. В первую очередь произошли изменения в экономике малых городов: она все более сводилась к моноэкономике, направленной на обслуживание и управление отраслями аграрной сферы. Это привело к социально-структурным переменам – малые города стали концентрировать трудовые ресурсы преимущественно из специалистов и работников по обслуживанию аграрной экономики и живущего в них населения и окружающих сельских поселений. Сузились возможности провинциальных городов в обеспечении населения социальными ресурсами самореализации и повышения своего социального статуса. Многие широко известные производства и промыслы сами собой стали пропадать или перепрофилироваться в соответствие с принимаемыми правительством республиканскими планами социально-экономического развития. Соответственно, город (местное сообщество) стал терять качество субъектности, все более превращаясь в объект социальной, экономической и культурной политики государства. Потеря местным сообществом социальной субъектности постепенно привела жителей провинциальных городов к несамостоятельности в решении внутригородских вопросов, социальной пассивности и патернализму в отношениях с вышестоящими властными структурами. Все эти изменения привели не только к снижению роли провинциальных

городов в составе страны, но и к стиранию культурных особенностей в менталитете, способах деятельности и духовной жизни провинциалов. Мало того, слово «провинциал» стало нарицательным, что стимулировало население, особенно молодежь, к стремлению не быть им, а быть городским, стать жителем столицы. Отсюда – снижение человеческого потенциала белорусской провинции, затухание активной социальной и политической жизни (или сужение активности до уровня удовлетворения сугубо материальных, экономических, а по существу первичных потребностей) в провинциальном городе, потеря им социокультурного своеобразия. Круг замкнулся.

Необходимо отметить, что за годы реформ в белорусской провинции наметились глубокие институциональные изменения. Однако многие накопившиеся проблемы ее развития остаются нерешенными, в частности, связанные в основном с ориентацией на моноэкономику – производство и переработку продукции сельского хозяйства. И хотя в ходе социально-экономических реформ в стране созданы основы многоукладной экономики, законодательно закреплено право выбора форм производства, переработки и хозяйствования, в малых городах, как правило, повсеместно преобладают отрасли, обслуживающие сельское хозяйство или предоставляющие услуги населению. В связи с достаточно узким спектром рынка труда, худшими, по сравнению с крупно-городскими, инфраструктурой и уровнем заработной платы провинция перестает быть привлекательной для жизни, ограничивая возможности самореализации и развития людей, что влечет за собой застойные явления и усиленные миграционные процессы (особенно из сел и малых городов сельского типа). Эти проблемы касаются не только Беларуси – подобные процессы наблюдаются во всех развитых странах. По данным статистики, на 2013 г. в белорусских городах проживает 82% всего населения страны, в российских – 74% всего населения РФ (для сравнения: в США – 75%, в Германии ежегодно сельское население сокращается на 1%). В среднем США и Европа теряют до 5% сельского населения за каждые 3–5 лет. Та же тенденция наблюдается и в малых городах. Непрестижность, неперспективность жизни

и деятельности в провинции (селах и малых городах) приводят в последние десятилетия к повсеместному оттоку из них человеческого ресурса. Данные устойчивые явления определили особую значимость постановлений правительства Беларуси и программ, нацеленных на повышение уровня и качества жизни в данных регионах, престижности проживания в сельской местности. Однако институциональные меры – государственные национальные проекты и целевые программы в этой сфере – не дают устойчивого эффекта по причине сокращения человеческих ресурсов.

Усеченное и одностороннее использование отдельных форм социального взаимодействия государства и общества – только в виде социальной помощи (патронажа) со стороны государства – снижает экономическую и социальную активность населения провинции. Указанный изъян в системе управления в определенной мере обусловлен невостребованностью и недостаточной изученностью тех ресурсов, которые способны модернизировать провинциальный социум, предоставить людям возможность повышать свой социальный статус: экономический, связанный с трудовой деятельностью и материальными доходами; социальный, характеризующийся достойным качеством жизни, социальной активностью и защищенностью; символический и культурный, выраженный в возможностях осуществления социально-профессиональной, культурной и классовой самоидентификации, расширения коммуникаций и влияния на социально-политическую жизнь страны, повышения своего культурного уровня и удовлетворения культурно-досуговых потребностей.

Современные отечественные социологи, рассматривая поведение людей и обращая внимание преимущественно на его целерациональную обусловленность, связанную с личной выгодой (пользой), на наш взгляд, остаются на позициях теории «экономического» человека и, более того, тщетно продолжают обосновывать ее. Однако необъяснимость некоторых новых трендов социально-экономического поведения современного человека вынуждает ученых обратиться к социальному аспекту данной проблемы.

В качестве основы для решения данной проблемы есть смысл обратиться к утверждению К. Поланьи о том, что даже «экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей. Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества. Материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели. Ни процесс производства, ни процесс распределения не связаны с какими-либо особыми экономическими интересами в плане владения вещами, но каждый отдельный этап, каждый шаг в этих процессах строго обусловлен целым рядом социальных интересов, которые, в конечном счете, и гарантируют то, что необходимый шаг будет сделан. В небольшой общине охотников или рыбаков или в гигантской деспотии интересы эти могут быть весьма несходными, однако всюду экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами»². В развитие этой мысли авторы данной монографии видят одну из своих целей определение социальных ресурсов, мотивов, факторов и условий, влияющих на мотивацию и жизненный выбор жителя провинции в сфере трудового, профессионального и миграционного поведения, обращая особое внимание на потребность в повышении социального статуса как мотива изменения жизненных стратегий индивидов.

Данные социологических исследований местных сообществ провинциальных регионов (включающих как сельские поселения, так и малые города) последних 15 лет показали, что основными факторами изменения своих экономических и в целом жизненных стратегий люди называют заработную плату, возможность свободного выбора профессиональной деятельности, диверсификацию рабочих мест и хорошие условия труда.

В связи с этим приоритетной целью исследования является выявление основных, формирующихся на мезо- и микроуровнях,

² Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 207.

факторов, определяющих региональную специфику социальных ресурсов местных сообществ белорусской провинции, обуславливающих личностный выбор граждан, процессы интеграции, социализации, адаптации и территориальной идентификации населения, возможности самореализации и повышения социального статуса в условиях сложившейся провинциальной социальной среды.

В качестве объекта исследования выступают жители малых городов и сельское население регионов страны, критерием провинциальной регионализации которых являются пространственно-территориальные характеристики (степень урбанизированности, отдаленности / близости от крупных городов, масштабы населенных пунктов: малый город, агрогородок, село, отдаленные деревни). Основное внимание обращается на провинциальные сообщества как исторически сформировавшиеся социально-территориальные образования во взаимосвязи их социальных, экономических, культурных и духовных сфер и параметров, выступающие в качестве основного ресурса, определяющего наряду с другими процессы социального воспроизводства (социализации, адаптации, интеграции и территориальной идентификации) провинции, а также их специфическую социально-классовую и профессиональную структуру.

Кроме этих целей и задач, направленных на определение системы факторов, обуславливающих особенности развития местных провинциальных сообществ в малых городах и сельских поселениях, изучались также роль социальных ресурсов в повышении социального статуса индивидов и социальных групп; выявление социально-культурных особенностей разных социально-территориальных образований провинции (малые города, села) как сфер историко-культурного и социально-экономического существования местных сообществ; определение специфики ценностных ориентаций и поведенческих стратегий населения белорусской провинции; выявление общих и особенных черт провинциального менталитета, характеризующих своеобразие образа жизни; обоснование концептуального подхода к изучению социально-

классовой структуры современного общества; выявление места рабочего класса и крестьянства в современной социальной структуре провинциального сообщества; определение социально-профессионального уровня развития трудовых ресурсов и возможностей повышения кадрового потенциала данных региональных сообществ; раскрытие роли социально-профессиональной мобильности в формировании социально-классовой структуры провинции; выявление факторов и механизмов культурной идентификации в инновационной социокультурной среде.

Методология изучения провинции в данной книге опирается на два наиболее приемлемых подхода: социокультурный и региональный (регионологический).

В рамках социально-культурного подхода используются в первую очередь достижения «городской социологии». Основные подходы в социологии города связаны с именами К. Маркса, Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, М. Вебера и др. Социологический подход к изучению провинции, периферии изложен в работах И. Валлерстайна, в концепции «внутреннего колониализма» М. Хектера, теории коммуникации центра и периферии в исчезнувших и существующих «империях» Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта и др. Наряду с глубоко объективным анализом социокультурный подход обращен также и к ценностно-смысловым основаниям консолидации общества, знаково-коммуникативным процессам, обеспечивающим их стабильность и динамику.

Регионология как отрасль гуманитарного знания занимается комплексным изучением регионального развития и тесно связана с практическими административными и другими нуждами, — в своем современном виде преимущественно разрабатывает экономические, политические, социальные аспекты. Тем не менее регионология учитывает также исторически сформированные деятельностью населения региональную культуру и менталитет, являющиеся интегрирующим звеном социальной жизни конкретного региона (В. Л. Белова, Г. М. Казакова, И. Я. Мурзина и др.). Однако провинция как предмет специального интереса в регионологии, а тем более в социологии пока не исследуется.

Выдвинутые гипотезы получили не только теоретическое обоснование, но и были подтверждены конкретно-социологическими эмпирическими данными, полученными сектором социологии села отдела регионального развития Института социологии НАН Беларуси в 2014 г. Кроме того, в книге использовались результаты социологических исследований, проведенных авторским коллективом в 2009, 2011–2014 гг. Некоторые из них даны в приложениях.

Авторский коллектив: доктор философских наук Р. А. Смирнова (п. 1.1, 1.3–1.5, 2.1, 2.3, 2.4, 3.1, 3.2, 4.2, 5, 6.3, 7.1–7.3, 7.6, 7.7, 7.9, введение и заключение), кандидат социологических наук Т. В. Кузьменко (1.2, 1.4, 2.2, 2.6, 3.3, 4.1, 4.3, 4.4, 5, 7.4, 7.8), кандидат социологических наук В. Э. Смирнов (6.1, 6.2), младший научный сотрудник Т. С. Балакирева (2.5, 3.4, 6.4, 7.5).

БЕЛОРУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Понятия «провинция», «регион» и феномен «провинциальности»

При рассмотрении социологического, социально-культурного и территориального аспекта существования и развития провинции особое значение имеет определение понятий «провинция» и «регион». В массовом сознании существуют разные критерии отнесения той или иной территории, населенного пункта, явления к провинции. Наиболее распространенным явился подход, построенный на основе территориальной оппозиции «провинция – центр». В этом плане Минск – это центр, столица, провинция – все остальное. Существует также урбанистический подход: провинция – это не город. В основном к ней относят сельские населенные пункты, пригороды, окраины, малые города полусельского типа. Не менее распространенным является ресурсный подход, подчеркивающий обделенность провинции культурными, материальными, социальными благами, «низкое качество» провинциальной жизни: оторванность от культуры, цивилизации, образовательных центров, современного стиля жизни, низкий уровень жизни, безработица, безденежье, неразвитость социальной сферы, плохие бытовые условия, зависимость от центра, дотационность. Встречаются и формальные критерии, подчеркивающие масштаб и административный статус поселения (при этом для одних провинция – это областной город (по отношению к Минску), для других это поселок городского типа³.

Совершенно очевидно, что при использовании понятия «провинция» доминируют два основных значения: пространственное

³ Шмерлина, И. А. Что такое провинция? / И. А. Шмерлина // Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 30–31.

и социальное. В первом случае провинция рассматривается как некоторое пространство, центром которого выступает город (в конечном итоге столица государства – метрополия); провинция в этом смысле является продолжением городской агломерации, ее периферией, зависящей от центра.

Во втором случае провинция трактуется как некоторый набор социальных институтов, существующих в активной форме на ее территории в качестве социальной системы и пространства. Провинция в таком контексте – самостоятельная структура, хотя и связанная с другими, соседними, но обладающая своей собственной спецификой, в том числе культурной.

Оба эти значения объединяет то, что провинция – это связь местного сообщества (социальной системы) и социального пространства. Суть провинции состоит в том, что она воспринимается как своеобразный «культурный мир», обладающий помимо географических, природно-климатических и исторических особенностей набором собственных ментальных характеристик. Ментальность провинциального социума, его образ жизни являются важнейшей характеристикой провинции. Провинциальное сообщество определяет нормативно-ролевые образцы поведения и эталоны социализации, задавая индивидам типические социальные черты (язык, ценности, информацию, картину мира, способы поведения и т. д.), ориентируя на обретение одобряемых качеств личности и моделей поведения.

В настоящее время провинция ассоциируется преимущественно с регионом (регионами) в том качестве, в каком она отличается от столицы. Поэтому иногда понятия «провинция» и «регион» используются как однопорядковые категории. Социологическое понимание понятия «регион» исходит из того, что, будучи социально-территориальной системой, регион должен обладать социально-пространственной общностью организации проживающего в его рамках населения. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни

населения. Территориальная дифференциация природных условий составляет естественную основу общественного (территориального) разделения труда, исторически закреплённого, находящего продолжение в своеобразии социальных условий жизни и в социальном облике населения.

Социологический анализ белорусского общества как множества социально-территориальных сообществ предполагают рассмотрение их через призму ценностных ориентаций и установок населения. При этом ценности анализируются в контексте социально-экономических диспропорций, их социокультурных различий, выделяется их роль в трансформациях различных типов региональных сообществ, их интерпретации населением и интеграции в социальное целое.

В этом смысле провинция выступает как открытая развивающаяся социальная система, имеющая географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное пространство, особенности образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций. Провинциальность же как характеристика проявления субъектности определяется как статусная позиция, достигаемая в процессе адаптации и интеграции в конкретном социально-территориальном сообществе, обусловленная средой обитания, зависящей от социально-экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета и степени урбанизированности провинциального социума.

В соответствие с этим можно сформулировать определение провинциала. Это представитель провинциального сообщества, характеризующийся специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями, являющийся объектом и субъектом социализации, социальной адаптации, самоопределения и самоидентификации, ресурсом и потенциалом социальной структуры регионального социума. В основе провинциальной социализации лежит территориальная идентификация, предполагающая выработку и закрепление определенных социальных представлений, образов принадлежности к определенному социальному пространству.

Включение (освоение, социализация, адаптация и т. п.) индивидов в провинциальное сообщество происходит в условиях особенностей существования и развития малых городов и сельских поселений, составляющих в современный период белорусскую провинцию. Их географическое расположение, природно-климатические, культурные, социально-экономические особенности, степень урбанизированности влияют на особенности интеграции, социализации и адаптации, которые проявляются в условиях социально-культурного развития и самореализации населяющих его людей. В этом контексте отличительной чертой белорусской провинции является то, что регионы, относящиеся к ней, многие века были ареной взаимодействия Востока и Запада, язычества, православия, католицизма и иудаизма. Это порождало уникальные поведенческие практики, стереотипы сознания и поведения, сформировало менталитет населения, живущего в этих регионах. Сложившиеся на протяжении веков ментальные особенности, как показывают исследования, и сейчас оказывают существенное влияние на социальное воспроизводство и развитие белорусской провинции.

Говоря о малом провинциальном городе, нужно иметь в виду, что, во-первых, он включен наряду с другими провинциальными, крупными и столичными городами, в культурное целое; во-вторых, он территориально отделен от столичного города и, хотя выделен из аграрной среды (наличием более сложной системы разделения труда и социальной структуры), несет социальную функцию в качестве социально-экономического, организационно-управленческого и культурного центра развития сельских регионов.

В контексте основной идеи монографии понимание малого провинциального города заключается в том, что это малый город, относящийся к сельским регионам, отдаленный от столицы и крупного города. Данное понимание связывает столицу и крупные города с малым провинциальным городом, не касаясь собственно содержания связи, которое детерминировано типом идентичности, лежащим в основе социокультурной интеграции и воспроизводства. Распределение характеристик столицы, крупного города и провинции, как и отмечалось, зависит от доминирующих ценностей общества и стереотипов, сложившихся в обществе.

Население каждого региона представляет собой специфическую социально-территориальную общность, находящуюся в определенных взаимосвязях с другими общностями по горизонтали и по вертикали. Кроме того, оно выступает для человека как материальная и социокультурная среда, предоставляющая различные условия для его становления и развития, возможности и меру социальной мобильности и свободы выбора в различных сферах жизнедеятельности, способы самоопределения и самореализации.

Таким образом, жизнь в провинции – это процесс усвоения людьми образцов поведения, ролей, ценностей и норм, связанных с их адаптацией и интеграцией в конкретном социально-территориальном сообществе, зависящих от социокультурных, экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета, степени урбанизированности и характера идентичности провинциального социума. Как показали исследования, для молодежи большинства провинциальных малых городов и сел характерна пониженная идентификация с территорией проживания и соответственно высокая степень миграционных настроений.

При этом было выявлено, что идентификация человека с тем или иным поселением зависят от того, к какому виду оно относится (сельскому или городскому). В условиях Беларуси целесообразно рассматривать в качестве провинциальных четыре вида поселений: малые города, агрогородки, поселки городского типа и сельские поселения. Как уже отмечалось, основной отличительной особенностью данных видов провинциальных поселений является ориентированность на моноэкономику, как правило, связанную с аграрной сферой.

Рассмотрение провинции с социологической точки зрения заключается в подходе к ней как к социокультурному сообществу, которое образуется в результате деятельности социальных субъектов – сельских жителей и населения малых городов, социальных групп, организаций региона, выполняя по отношению к ним и стране (в целом – обществу) определенные функции и являясь средой, которая мотивирует их на те или иные формы поведения и деятельности. В этом смысле понятие провинции близко с понятием сельского региона.

Если в научной литературе регион выступает как территория, обладающая набором определенных физико-географических и историко-культурных характеристик в совокупности со сложившейся социо-эколого-экономической структурой, то регион (в частности, провинциальный) с социологической точки зрения – не только территориально-административная или производственно-экономическая единица, а в большей степени социокультурное сообщество людей, живущих на территории, которая охватывает малые города и сельские поселения. Для типологизации сельских провинциальных регионов в данной работе используется принятая в международной практике типология, модифицированная авторами монографии с учетом национальных, социально-экономических и природных условий Беларуси по критерию пространственно-территориального расположения и интегрированности в урбанизированную экономику. В связи с этим выделяются три крупных региона:

1) экономически интегрированные провинциальные регионы, располагающиеся вблизи экономических центров и характеризующиеся растущей численностью населения, разнообразным предложением рабочих мест, а также высокоразвитой инфраструктурой. Первоочередными требованиями в таких регионах становятся обеспечение экологического равновесия и защита природного и культурного слоя. В сельском хозяйстве таких регионов часто возникает следующая проблема: на фоне оптимальных условий в сфере занятости (жители могут выбрать работу и в ближайшем малом городе, и в селе; есть все условия для производства и сбыта выращенной продукции, возможности получить высшее и среднее образование, живя в сельской местности; благоприятных условий для культурного досуга) нарастает отчужденность от сельскохозяйственного труда, преступность, алкоголизм, происходит потеря сложившейся самоидентификации и маргинализация сознания;

2) средние или промежуточные регионы, которые часто имеют сравнительно благоприятные экономические перспективы развития, особенно если у них центральное местоположение и хорошие связи с транспортной сетью. Кроме того, районные органы

власти ориентируются преимущественно на определенные виды сельского хозяйства и связанные с ними отрасли экономики. Будущие перспективы развития средних регионов определяются двумя факторами: во-первых, ритмом, с которым будут проводиться структурные преобразования в приоритетном секторе, прежде всего в сельском хозяйстве, и, во-вторых, темпом, с которым могут быть созданы альтернативные возможности занятости;

3) отдаленные регионы характеризуются, как правило, низкой плотностью населения, неблагоприятной демографической структурой, низкими доходами и высокой зависимостью от сфер занятости. С их периферийным местоположением и зачастую неблагоприятной экологической ситуацией, а также сравнительно отсталой инфраструктурой, экономические перспективы развития наименьшие, что относит их к регионам с особенно невыгодным положением. Неблагоприятные экологические условия производства и удаленность от рынков сбыта характеризуют неблагоприятные условия для ведения личного, крестьянского и фермерского сельского хозяйства. Таким образом, отдаленные регионы предъявляют наибольшие требования к политике развития провинциальных регионов. Первоочередной целью здесь является нахождение соответствующего равенства между экономическим предоставлением услуг, достижением приемлемого стандарта жизни, экономической эффективности и долгосрочной рекультивации окружающей среды.

В социологии и географии используется также понятие *сельская местность*, включающее в себя обитаемую местность вне городов с ее природными условиями и ресурсами, сельское население и овеществленные плоды предшествующего труда людей, т. е. разнообразные основные фонды на этой территории. Сельская местность – понятие территориальное или пространственное, не зависящее от способов землепользования, степени экономического развития и преобладания какого-либо экономического сектора. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в частности, считает, что *сельские регионы* (районы) охватывают население, землю и другие ресурсы открытого ланд-

шафта и малых городских поселений за пределами непосредственных экономических областей влияния крупных городских центров. По сравнению с городскими агломерациями сельские регионы характеризуются узкими взаимосвязями отраслей, низкой плотностью населения и такими особенностями, как преимущественное занятие людей – сельскохозяйственный труд, меньшая степень социально-экономического развития, небольшой набор видов трудовой деятельности, большая профессиональная и социальная однородность населения; преобладание социально и национально однородных семей, большая открытость в общении, более высокая роль общественного мнения, социальный контроль, традиции, размеренный ритм жизни, простые формы общения, отсутствие психологических нагрузок. Особенность сельской территории в том, что она является источником продовольствия и сельскохозяйственного сырья, хранилищем природных ресурсов, местом проживания, рекреационным объектом, местом ассимиляции отходов.

Таким образом, исторически сложившаяся социокультурная ситуация, преломляясь в экономической и общественной жизни провинциальных регионов, сказывается на характеристиках местных сообществ. Уровень развития провинциальных населенных пунктов тесно связан с обеспечением должного уровня материального состояния граждан: ростом доходов, наличием рабочих мест, социальной поддержкой. Положительные тенденции развития провинции характеризуются размещением новых отраслей экономики, растущим предложением рабочих мест, привлекательным уровнем жизни и, как следствие, притоком инвестиций, жителей и приезжих. Из-за того, что провинциальный регион – в первую очередь территориальное сообщество, образующееся в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, необходимо обратить внимание на два аспекта: личностный и социальный. Личностно-ориентированный анализ предполагает выявление типологических характеристик личности, позволяющих ей успешно или неуспешно действовать в регионе. Социально ориентированный аспект помогает сравнивать регионы с другими регионами страны, показать

функции / дисфункции региона в составе целого (страны), а также отдельно к индивиду, живущему в нем. В русле этих аспектов по-новому встают проблемы развития человеческого потенциала, идентичности и структуры ценностей личности, социальной стратификации, мобильности и др. В связи с этим основной задачей является не столько описание социально-культурных характеристик провинциального региона, сколько выявление социальных ресурсов, факторов и механизмов, которые тормозят или мотивируют инновационно-деятельностный тип личности. Среди них определяющее место занимает само местное провинциальное сообщество, являющееся носителем социальных ресурсов, обеспечивающих социализацию, адаптацию и интеграцию населения провинциального населенного пункта.

1.2. Провинциальное сообщество как социальный ресурс развития

Жизнь местных сообществ во многом определяется региональными, национальными, международными проблемами и событиями, но не в меньшей степени – укладом жизни, культурными традициями, имеющимися ресурсами, активностью организации и самоорганизации населения. И связи с этим в центре анализа особенностей развития того или иного региона и страны в целом оказываются проблемы роли местного сообщества как социальной системы, его функционирования и влияния на общественные процессы, получение данных о состоянии местных сообществ, степени их сформированности, того, как местное население, используя ресурсы сообщества, может удовлетворять свои потребности и формировать свое будущее и т. д. Среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей представляет собой не просто условие их коллективной жизни, а становится предметом социального проектирования в целях использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни, оптимального социального воспроизводства⁴.

⁴ Маркин, В. В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов / В. В. Маркин // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, 2008. – Вып. 7. – С. 234.

Особенно часто и остро говорится о необходимости укрепления и развития местных сообществ в контексте мировых процессов глобализации. Являясь средством реализации одной из базовых потребностей человека – потребности в принадлежности к той или иной общности (по А. Маслоу – причастности и привязанности (*belongingness and affection*)), местное сообщество рассматривается как одна из самых ярких форм органического сочетания глобального и локального, выступает средством преодоления кризиса личностной идентичности, обостренного современными глобализационными процессами, которые наряду с благоприятными изменениями влекут «космополитическую неукорененность или бездомность, социальную негарантированность и экзистенциальную напряженность бытия»⁵. Осознание людьми своей вовлеченности в быстрые и радикальные изменения глобального характера вызывает у них потребность в воспроизводстве прежних и построении новых социально-символических границ на основе ощущения принадлежности⁶. В этом плане местное сообщество выступает «в качестве своеобразного медиума, снимая отчуждение с процессов экстериоризации (перехода индивидуального в социальное) и интериоризации (перехода социального в индивидуальное). Собирая, объединяя и сплачивая людей, местное сообщество оказывается действенной альтернативой массовому, социально атомизированному обществу»⁷. В связи с этим М. Кастельс писал о сообществах, создаваемых и вдохновляемых идеологией сопротивления нынешним глобальным схемам господства⁸.

⁵ Гречко, П. К. Понятие местных сообществ в современной социальной теории / П. К. Гречко // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: сб. науч. ст. / под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. – С. 48.

⁶ Коржов, Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 108.

⁷ Гречко, П. К. Понятие местных сообществ в современной социальной теории. – С. 67.

⁸ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – С. 506–507.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Белорусская провинция в условиях глобализации и регионализации социальных процессов	13
1.1. Понятия «провинция», «регион» и феномен «провинциальности» ..	13
1.2. Провинциальное сообщество как социальный ресурс развития..	21
1.3. Территориально-поселенческие особенности провинции	35
1.4. Провинциальный образ жизни.....	41
1.5. Факторы, обуславливающие региональную специфику местных сообществ белорусской провинции	57
Глава 2. Ценностные ориентации и социальные установки как основа самоидентификации, социальной адаптации и интеграции местных сообществ	62
2.1. Провинциальный менталитет, провинциальная культура: понятийный анализ.....	62
2.2. Территориальная идентификация как основа интеграции и стабильности местных сообществ белорусской провинции	75
2.3. Региональные особенности ценностно-мировоззренческих приоритетов и жизненных стратегий современного провинциала	84
2.4. Ценностные ориентации как фактор социальной мобильности и повышения социального статуса провинциальной молодежи	89
2.5. Миграционные установки молодежи	100
2.6. Стереотипы «город – село», «центр – периферия» как средство консолидации группы и адаптации к внешнему миру	107

Глава 3. Материальные ресурсы и система жизнеобеспечения местных сообществ малых городов и сельских поселений	119
3.1. Материальное благосостояние и качество жизни провинциального населения	119
3.2. Работа и занятость	125
3.3. Представления о нормальной жизни и достатке жителей города и села: сравнительный анализ	131
3.4. Социальная инфраструктура в системе жизнеобеспечения провинциального социума.....	141
Глава 4. Социальные ресурсы развития провинциальных территорий...	159
4.1. Особенности социальных взаимодействий в провинциальном сообществе.....	160
4.2. Гражданская активность населения.....	166
4.3. Социальное самочувствие населения малых городов и сельских поселений.....	172
4.4. Культурные ресурсы провинции	182
Глава 5. Региональные особенности системы жизнеобеспечения и социального самочувствия провинциальных сообществ: результаты сравнительного анализа.....	189
Глава 6. Социально-профессиональная структура белорусской провинции	196
6.1. Современный рабочий класс: методологический анализ.....	196
6.2. Состояние и перспективы развития рабочего класса провинциальной Беларуси	216
6.3. Место крестьянства в социальной структуре сельского сообщества.....	233
6.4. Профессиональная мобильность как фактор изменения социальной структуры местных сообществ сел и малых городов.....	245
Глава 7. Человеческий потенциал трудовых ресурсов АПК	256
7.1. Роль человеческого потенциала трудовых ресурсов в развитии АПК	256
7.2. Проблемы формирования профессиональной структуры агро-сферы Беларуси	263

7.3. Отношение к труду как показатель кадрового потенциала работников сельскохозяйственных организаций.....	283
7.4. Мотивация труда аграриев	293
7.5. Трудовая мобильность работников агросферы и их миграционные намерения.....	299
7.6. Готовность к технико-технологическим, организационным и социальным инновациям.....	302
7.7. Социально-трудовая активность молодежи	306
7.8. Трудовое поведение в личном подворье	309
7.9. Руководители и специалисты как лидеры развития АПК.....	331
Заключение	344
Приложения.....	349

Научное издание

Смирнова Розалия Андреевна,
Кузьменко Татьяна Викторовна,
Смирнов Виктор Эдуардович,
Балакирева Татьяна Семеновна

СУДЬБА БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
социологический анализ

Редактор *О. Н. Масухранова*
Художественный редактор *Т. Д. Царева*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 19.02.2015. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,34. Уч.-изд. л. 22,4. Тираж 200 экз. Заказ 26.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18
от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

ISBN 978-985-08-1819-5

9 789850 818195